

Шубин Александр.

Коммуна

2007, источник: [здесь](#). Отрывок из книги "Социализм. "Золотой век" теории".

Казалось, спор марксистов и анархистов может решить первый опыт революционных социалистических преобразований — Парижская коммуна 1871 г. Практически все социалистическое движение выразило солидарность с Коммуной. Опытом Коммуны лидеры социализма стремились обосновать правильность именно своей программы. Истосковавшись по практическому примеру, который мог бы подтвердить реальность их теорий, лидеры Интернационала провозгласили Коммуну рабочим выступлением, хотя среди избирателей Коммуны и ее депутатов пролетарии не составляли большинства. Историческая Коммуна, а не светлый образ ее, была творением средних слоев и рабочего класса, где ведущей силой были средние слои, именовавшиеся марксистами не иначе, как «мелкая буржуазия». В этом смысле Парижская коммуна была «мелкобуржуазным» движением.

Прокламация ЦК национальной гвардии, выпущенная уже после начала гражданской войны с Версальским правительством, очертила представление лидеров ЦК о расстановке социальных сил: «Трудящиеся, не обманывайтесь: идет великая борьба — паразитизм и труд, эксплуатация и производство схватились между собой». В этом воззвании «денежная аристократия» противопоставлена «тем, кто трудится и тщетно ищет решения социальных проблем»[594] — прежде всего торговцам, промышленникам, лавочникам и мыслителям.

Некоторые идеологи Коммуны включали в круг трудящихся классов даже часть буржуазии. Газета секций Интернационала Ирви и Берси «Ла революсьон политик и социаль» утверждала: «Народ и трудовая буржуазия едино суть...»[595]. Что это за «трудовая буржуазия»? Депутат Коммуны Ж. Валлес — непартийный социалист, близкий и к бланкистам, и к прудонистам, противопоставлял паразитической буржуазии «рабочую буржуазию»: «честную и мужественную, которая ходит в кепке в мастерскую, ходит в сапогах по грязи в цехах, в холод и в жару остается у своей кассы и у конторки... Она глотает пыль и дым, ходит в синяках, обжигается перед станками или перед горном, опускает руки в тесто и присматривает за работой; она по своему мужеству и по своим заботам родная сестра пролетариата»[596]. «Рабочая буржуазия», о которой говорит Валлес — это менеджеры, управленческие слои предприятия, которые как раз в этот период начинают превращаться в отдельную от капиталиста социальную категорию, элемент средних слоев, вовсе не совпадающий с «мелкой буржуазией». Как раз в этот период капиталист перестает быть менеджером предприятия, превращаясь в «топ-менеджера» монополии и финансового олигарха. Характерно, что после «революции менеджеров» во второй половине XX в. ускорилось оздоровление условий труда — ведь цеха — это и рабочее

место менеджера. Это отчасти подтверждает мысль Валлеса об общности интересов рабочих и менеджеров в некоторых вопросах. Но все же лишь в некоторых. «Рабочая буржуазия», как и мещанские слои Франции не поддержали Парижскую Коммуну, что говорит о глубоких противоречиях, которые лежат в самих средних слоях, часть которых доминирует в революционных движениях, а часть становится опорой консерватизма и даже реакции.

История Коммуны началась с восстания 18 марта 1871 г., когда национальные гвардейцы – одетые в военную форму массы парижан, прогнали из столицы правительство «национальной измены», капитулировавшее перед Пруссией. Причины восстания были далеки от социализма. Война донельзя обострила социальные бедствия, а переход к миру добавил проблем. Правительство отменило плату национальным гвардейцам и мораторий на выплату долгов. В условиях сохранявшегося экономического застоя это поставило часть населения на грань голода. Поскольку население было вооружено во время войны, последовало восстание. Так создалась ситуация, которая, как станет ясно в XX веке, является типичной – социализм получает возможности для осуществления своей политики тогда, когда разрушение капиталистической системы радикализирует население и ослабляет буржуазию. Но разруха и внешнеполитические проблемы крайне затрудняют строительство новых, пост-капиталистических отношений.

ЦК национальной гвардии, оказавшийся на некоторое время у власти, был настроен демократически и провозгласил выборы в Парижскую Коммуну. Стремление освободиться от власти консервативного национального собрания и широкое распространение прудоновских идей региональной автономии придали выборам значение не муниципальных, а парламентских. Избирались депутаты новой власти.

Коммуна выдвинула вперед людей районного масштаба, тем значительно приблизив власть к народу. Подобный эффект происходил также в советах во время Российских революций. Провинция не знает этих людей, и ее предпочтения не совпадают с предпочтениями районов столицы. Уже 2 апреля это привело к началу гражданской войны между Парижем и Национальным собранием, правительство которого во главе с Тьером расположилось в Версале.

26 марта состоялись выборы. Было избрано 84 депутата, однако только 65 из них поддерживали революцию 18 марта и продолжили работать в Коммуне, бросившей вызов Национальному собранию Франции. Постепенно из Парижа ушла еще некоторая часть народных избранников. Когда 28 марта Коммуна провозгласила себя полномочным правительством, а не органом муниципального самоуправления, из Парижа уехало большинство мэров районов. 4 апреля, когда начавшаяся гражданская война привела к принятию декрета Коммуны о заложниках, Париж покинули либералы-гамбетисты.

Среди депутатов Коммуны было 28 рабочих и около 28 членов Интернационала. Из тех, кто входил в политические течения или примыкал к ним, 21 относились к бланкистам, 20 – к

прудонистам, 14 – к якобинцам. Несколько человек были близки к Марксу и Бакунину, их иногда называют «марксистами» и «бакунистами», но за исключением марксиста Серайе идейное влияние нефранцузских лидеров Интернационала на депутатов Коммуны практически не сказалось на их политике.

Прудонисты были в меньшинстве. В мае они составят костяк «меньшинства» Коммуны. Это может породить впечатление, что бланкистско-якобинское «большинство» должно было проводить преобразования, отличные от прудонистских, а прудонисты – находиться в оппозиции. Возможно, так и было бы в парламенте. Но Коммуна была не парламентом, а избранным правительством. Депутаты разных идейных ориентаций работали вместе в комиссиях и на коллегиальных заседаниях Коммуны, и принимались решения, которые казались наилучшими. Как мы увидим, если речь шла о социально-экономической политике и конструктивной программе преобразований во всей Франции, принимались именно прудонистские предложения.

Русский революционер П. Лавров, наблюдавший Коммуну прямо из Парижа, так оценил ее замыслы: «социалисты Парижа хотели вместе с буржуазией совершить сперва социалистическую революцию, которая создала бы повсюду единственную вооруженную силу, находящуюся в их руках, и затем уже, с помощью этой вооруженной силы, они совершили бы революцию экономическую»[597]. Сначала захват власти социалистами во всей Франции, затем – социалистические преобразования. Такой план в свое время высказывал Бланки. Возможно, подобным образом считал необходимым действовать Лавров. Но тогда Коммуна осталась бы просто самым крупным бланкистским мятежом. А она за 72 дня своего существования успела провести уникальные социальные преобразования, которые стали моделью для многочисленных социальных революций XX века. Возражая бланкистской установке, депутат-прудонист Э. Варлен заявлял: «Для нас политическая революция тесно сплетена с социальными реформами, и они не могут быть отделены друг от друга»[598]. И в этом вопросе бланкисты пошли за прудонистами.

Вероятно, Лаврова обманула осторожность реформаторов Коммуны. Отстаивая осторожный стиль реформ коммунаров, депутат Л. Франкель говорил: «Прежде чем издавать декрет, надо узнать, есть ли необходимость в спешном проведении какой-либо социальной реформы в таком-то ремесле; надо проникнуться интересами населения, а затем сказать ему, дать ему хорошенько понять преимущества той реформы, которую вы предпринимаете»[599].

Коммунары начали проводить преобразования практически сразу, действуя при этом осторожно. Но направление преобразований успело выявиться достаточно четко.

Дело экономических реформ в Коммуне оказалось в руках умеренных анархистов — последователей Прудона. Прудонисты взяли в свои руки комиссии финансов и труда и обмена. Направление социально-экономических реформ разрабатывали Б. Малон, Л. Франкель, А. Тейс, О. Авриаль, Э. Варлен, Э. Жерарден, Ф. Журд, Ш. Белэ и др. Коммуна практически полностью доверяла прудонистам как специалистам в области «социальной

науки». Сами задачи, которые были поставлены Коммуной перед Комиссией труда и обмена, говорят о стремлении к социализму: «Комиссии поручается пропаганда социалистических учений. Она должна изыскивать пути к уравнению заработка и труда»[600]. И только после этих чисто социалистических задач значится «поощрение промышленности». Но социализм не мог вводиться «сверху». Направление социальных реформ должно определить специальное собрание делегатов рабочих ассоциаций, торговой палаты, синдикальных палат, директоров французского банка и руководителей транспортных предприятий[601]. 31 марта коммуна предложила рабочим организациям присылать свои предложения по вопросам платежей, организации труда и обмена.

Итогом этих консультаций и обсуждений членов комиссии стала важнейшая социалистическая мера Коммуны – 16 апреля 1871 г. предприятия покинувших Париж предпринимателей были переданы в руки трудовых коллективов при общей координации их работы профсоюзами. Таким образом, впервые был создан социалистический индустриальный сектор. Обоснование декрета выдержано в прагматических тонах – предприятия, брошенные хозяевами, должны работать: «Принимая во внимание, что многие мастерские брошены их руководителями, уклонившимися от исполнения своих государственных гражданских обязанностей и не пожелавшими считаться с интересами трудящихся;

что вследствие этого подлого дезертирства остановилась работа многих существенных для жизни города предприятий и причинен ущерб положению трудящихся.

постановляет:

Рабочие синдикальные палаты созываются для учреждения комиссии по обследованию, имеющей целью:

1. Составить статистику брошенных мастерских, а также точное описание состояния, в котором они находятся и инвентарь, имеющихся там инструментов труда.
2. Представить доклад с изложением практических мер по скорейшему пуску этих мастерских, но уже не силами дезертиров, которые их бросили, а кооперативной ассоциации рабочих, которые были заняты в них.
3. Разработать проект устава этих рабочих кооперативных обществ.
4. Учредить третейский суд, который при возвращении упомянутых хозяев должен будет определить условия окончательной передачи мастерских рабочим обществам и размер возмещения, которые эти общества обязаны будут уплатить хозяевам»[602].

В социалистической литературе начала века не было недостатка в скептических оценках этого декрета. Нет бы сразу все национализировать. А тут какая-то статистика. Ж. Вейль считает, что меры Коммуны были скорее «мерами вспоможения рабочему классу, чем социалистическими актами»[603]. Вспоможение в духе социального государства тоже хватало, и не только в отношении рабочего класса. Но конкретных аргументов, опровергающих социалистический характер акта 16 апреля Вейль не приводит. Между тем

декрет прямо указывает на изменение отношений собственности, который предполагает послереволюционную компенсацию. Очевидно, что размер такой компенсации – тактическая величина, зависящая от исхода революционной борьбы. Маркс, Энгельс и Ленин тоже были готовы откупиться от буржуазии. На первых порах...

В. Чернов, основываясь на неточном изложении декрета, возражал своим радикальным оппонентам: «тут не было прямой «передачи» как революционной меры... Декрет в сущности предписывал не передачу а... исследование...»[604] Декрет, как видно из текста, предусматривал не только исследование (которое конструктивному социалисту Чернову вряд ли должно было показаться лишним в подготовке революционных мер), но и «пуск мастерских» «силами ассоциаций» и «окончательную передачу». Очевидно, что декрет означал начало, а не завершение процесса. Но это не отменяет ни его революционного характера (так как он явно противоречил гражданскому праву, действовавшему за пределами Коммуны), ни его социалистического характера, поскольку предприятия уже с 16 апреля перешли во владение коллективов, что прямо предусматривала теория Прудона.

Более того, несмотря на краткость существования Коммуны, декрет вызвал к жизни дальнейшие шаги. Профсоюзы, поддержав декрет, стали его конкретизировать. 23 апреля была принята резолюция союза механиков и ассоциации металлистов, которая ставила задачу создания производственных ассоциаций, «коллективно владеющих неотчуждаемым капиталом»[605]. 15 мая на собрании представителей рабочих союзов было создано исполнительное бюро комиссии по обследованию организации труда. В его руководство вошли члены Интернационала. 4 мая депутат Везинье предложил распространить декрет 16 апреля на крупные предприятия. Это предложение не было отвергнуто, но обсуждение его из-за обострившейся политической борьбы и угрожающей военной обстановки было отложено.

Однако казенные предприятия по инициативе рабочих и при поддержке прудонистов также переходили к самоуправлению.

3 мая при поддержке Авриала Коммуна одобрила устав Луврских оружейных мастерских, составленный рабочими. В соответствии с ним собрание трудового коллектива выбирает всех руководителей, и все они подотчетны собранию. Предприятием руководит совет, в который входит делегат Коммуны (директор), начальники мастерских, мастера и выборные представители участков (половина из них должна сменяться раз в неделю). Совет планирует работу ежедневно, делегаты от рабочих составляют отчет обо всем важном раз в неделю. Увольнение работника производится советом. В случае необходимости провести сокращение первыми увольняются те, кто был принят последними. Это должно гарантировать устойчивость коллектива и защитить работников от произвола даже собственного совета. Подобные системы самоуправления затем будут воспроизводиться в бесчисленных экспериментах XX века.

К. Маркс утверждал, что Коммуна «хотела экспроприировать экспроприаторов»[606]. Согласиться с этим утверждением можно, если не воспринимать экспроприацию (отчуждение собственности) как акт. Прудонисты, как и завещал им учитель, «сжигали собственность на медленном огне», а не устраивали ей «варфоломеевскую ночь». Потому

что погром собственности может вылиться в погром экономики. Коммуна с чисто прудоновской осторожностью выделяла социалистический сектор. И сектор этот не принадлежал «пролетарскому государству» и государству вообще. В этом – коренное различие прудоновской и марксистской стратегий социальной революции.

Устав Луврских мастерских предусматривал еще одну важную меру – введение 10 часового рабочего дня. Ограничение рабочего дня было только одним из мероприятий Коммуны, которые позволяют говорить о ней как о первом социальном государстве. Под «социальным государством» принято понимать систему государственных мер и институтов, которые защищают социальные права работников и потерявших возможность трудиться людей, а также снижают уровень социального расслоения общества. Выполнение этих задач – обязательное требование к социализму. В социалистическом обществе по определению не может быть высокого социального расслоения, и все люди должны быть защищены от нищеты независимо от своего положения в обществе. Этот социалистический принцип социального равенства (равноправия), горячо отстаивавшийся Прудоном, стал важнейшей критической силой, направленной против капитализма с его социальным расслоением и воспроизводством нищеты. Но опыт XX века показал, что и в рамках капиталистического общества, как правило под давлением социальных, и прежде всего социалистических движений, возможно движение в направлении усиления социального равенства. Это направление эволюционного развития общества было указано ранним Оуэном и Прудоном. Он считал, что основными структурами, которые будут обеспечивать усиление начал равенства, станут институты общества, основанные на взаимности (кооперативы, союзы работников, производственные ассоциации и т. п.). Коммуна показала, что эти меры может обеспечить также и государство. Она стала первым социальным государством, то есть государством, занявшимся целенаправленным обеспечением социальных прав беднейших слоев индустриального общества.

Лидеры Коммуны понимали ограниченность социальных институтов, доставшихся в наследство от старого общества, но видели также их необходимость до тех пор, пока социализм не сделает их излишними. Депутат Коммуны Г. Лефрансэ писал: «Если Коммуна восторжествует, а в этом нет сомнения, все, что называется общественной благотворительностью, – больницы, убежища, ломбарды, – наверняка исчезнет. Но это предполагает создание ряда новых экономических учреждений, которые вы не можете формулировать в одной из статей декрета. Вы посеяли бы теперь смятение в умах, если бы просто и коротко объявили об упразднении ломбардов и богаделен. Прежде чем их упразднить, надо сделать их излишними»[607]. Более того, социальные институты должны быть укреплены государством.

Депутат Б. Малон мотивировал социальные меры Коммуны: «государство достаточно выступало против рабочих, пусть же хоть теперь государство выступит в пользу рабочих»[608]. Отходит ли здесь прудонист Малон от учения своего учителя, критически относившегося к государству? Но мы должны помнить, что Прудон намеревался использовать институты старого общества для его демонтажа и обеспечения укрепления

новых отношений. Вопрос в том, усиливает ли это давление государства на общество или нет. Пока общество еще не готово обеспечивать условия для социального равенства (равноправия), подтягивать беднейшие слои до среднего уровня может и государство, но не авторитарное, а максимально демократическое.

Коммуна проводила широкий круг мер, которые предвосхитили мероприятия социального государства. Уже 29 марта Коммуна отменила задолженности по квартплате. 1 апреля Комиссия труда и обмена приняла решение о регистрации в мэриях спроса и предложения труда, чтобы можно было более эффективно бороться с безработицей. Были установлены пособия семьям пленных национальных гвардейцев. 8 мая были введены твердые цены на хлеб. Однако, в отличие от якобинского максимума они не означали запрета торговать дороже (что вело бы к дефициту и к тому же требовало применения репрессий против «спекулянтов»). Коммуна пошла другим путем: она стала торговать продовольствием в муниципальных лавках по ценам максимума, сбивая рыночную цену и делая спекуляции бессмысленными.

Были введены меры защиты прав трудящихся. 27 апреля Исполнительная комиссия запретила не установленные законом штрафы и вычеты из зарплаты. Комиссия труда и обмена запретила ночной труд в пекарнях. По этому поводу в Коммуне развернулась полемика. Депутаты Бийоре и Виар выступили против: «Вам незачем вмешиваться в отношения между рабочими и их служащими, и я предлагаю отменить декрет», – заявил Виар, придерживаясь либеральной логики. Прудонист Авриаль ответил ему: «Нельзя поддерживать такой порядок, чтобы рабочие – такие же люди, как и мы, работали только по ночам и никогда не видели бы дневного света»[609]. Запрет был утвержден.

12 мая, обратив внимание на низкие зарплаты работников, нанятых предпринимателями на выполнение военных заказов, Коммуна передала эти заказы корпорациям работников, которые были готовы организовать оплату по повышенным расценкам. Одновременно с расширением этого синдикального сектора Бержере создал коммунальные мастерские по пошиву военной формы, и частные предприниматели были вытеснены с этого рынка.

Политика зарплат в государственном аппарате также соответствовала прудоновскому представлению о равенстве, равно как и стратегии социального государства: «существенным элементом государственной работы Коммуны была и смелая политика в системе заработной платы, которая сильно поднимала оклады низшей категории служащих и рабочих за счет резкого сокращения высоких и привилегированных окладов. Это тоже был новый политический принцип – принцип социалистический»[610], – пишет П.М. Керженцев. Здесь марксистско-ленинский историк делает ошибку социал-демократов бернштейновского направления (о чем речь пойдет ниже) и тред-юнионистов, называя социальные перераспределительные меры социалистическими (удивительная идеологическая «диверсия», если вспомнить, что Керженцев писал свою книгу в 30-е гг.). В его время это было уже достаточно очевидно – социал-демократы проводили именно такую политику зарплат и доходов. Именно такая политика была важна для реализации прудоновского принципа равенства, превращения большинства работников в средний класс, что может создать предпосылки для преодоления капитализма, хотя еще не создает альтернативных капитализму общественных отношений.

Коммуна не только способствовала интеграции беднейших слоев в средний класс, но и активно защищала его. Считая Коммуну пролетарским государством, Маркс все же признал: «Главные меры, которые были предприняты Коммуной, были предприняты для спасения среднего класса – класса должника Парижа от класса кредитора!»[611] На следующий день после своего провозглашения, 29 марта Коммуна объявила о прекращении продажи вещей, заложенных в ломбард. 14 апреля депутаты подробно обсуждали проект восстановления системы кредита. Накопившиеся за войну и ныне замороженные долги не должны были разорить должников, но и без кредита нельзя было обойтись – ведь прудонисты считали необходимым сохранить рыночную экономику, которая, в соответствии с учением Прудона, не препятствует формированию социалистического общества. Проект Журда предусматривал постепенную выплату замороженных кредитных обязательств, посредством специально выпускаемых для этого купюр. Это означало постепенное размораживание старых долгов, что позволяет восстановить кредитование по новым сделкам. Оппоненты Журда предлагали заморозить военные долги на более долгий срок, скажем, на 3 года. Журд говорил, что, составляя проект, «больше всего заботился о восстановлении обращения и коммерческих сделок»[612]. Никто не оспаривает этой задачи. Все социалисты Коммуны соглашались на сохранение рыночных отношений.

Прудонисты были не единственной фракцией коммуны и даже не составляли ее большинства. Тем не менее, социально-экономическая политика Коммуны и, как мы увидим, ее важнейшие программные документы были выдержаны в духе прудонизма.

Что касается Маркса, то он фактически отказался от шанса повлиять на характер социальных мероприятий Коммуны.

30 марта Л. Франкель направил Марксу письмо как к крупному теоретику Интернационала с просьбой дать предложения по проведению социальных преобразований. Маркс нашел возможность ответить 13 мая и переправил ответ Франкелю и Варлену. Но в ответе Маркса не было рекомендаций по поводу преобразований. Маркс писал о другом, что депутаты знали и без него: «Коммуна тратит слишком много времени на мелочи и личные счета»[613]. Что считать мелочами? Франкель так и не дождался совета по поводу социальных реформ, которого просил. Маркс был слишком занят подготовкой сведения личных счетов с Бакуниным.

Маркс и его соратники сыграли значительную роль в обеспечении «посмертного» пиара Коммуны, прославив ее в манифесте Интернационала «Гражданская война во Франции». Заступаясь за Коммуну, осуждаемую со всех сторон либеральной прессой, марксисты делали благородное дело, по ходу которого приписывали ей черты, которые ожидали увидеть в пролетарской революции.

Для социалистов всего мира Коммуна стала своего рода путеводной звездой, и стремление Маркса и Энгельса представить ее подтверждением их теории в ущерб оппонентам только усиливалось. В статье «К жилищному вопросу» Энгельс так и заявил: «эти мероприятия –

отмена ночного труда пекарей, запрещение денежных штрафов на фабриках, конфискация закрытых фабрик и мастерских и предоставление их рабочим ассоциациям – соответствуют вовсе не духу Прудона, а духу немецкого научного социализма»[614]. Почему? Ответить на этот неразрешимый вопрос Энгельс оставил последующим поколениям марксистов. Его современникам было еще слишком очевидно, что передача фабрик рабочим ассоциациям, а не «пролетарскому государству» никак не соответствует духу марксизма и полностью укладываются в концепцию Прудона и отчасти Лассаля. Или Энгельс и его признал «научным социалистом»?

Конечно, приятно было бы чувствовать себя вдохновителем Парижской Коммуны, но Прудон мог претендовать на лавры ее вдохновителя с куда большим основанием и как федералист, и как защитник среднего класса, и как сторонник перехода средств производства во владение ассоциаций работников. Конструктивные преобразования Коммуны ни на шаг не отошли от антиавторитарного социализма Прудона (мютюэлизма и федерализма) в сторону государственного централизма и коммунизма, связанного с национализацией.

Отмежевать Коммуну от Прудона становится навязчивой идеей марксистской историографии. Марксистский историк французского социализма П. Луи писал: «Стоило лишь шевельнуться рабочим предместьем, чтобы рассеять в прах все дилетантские умствования Прудона, которыми он в течение 20 лет думал убаюкивать народ»[615]. Но дальше мы не найдем в книге Луи анализа социально-экономических мероприятий коммуны. В советское время, когда стали выходить более подробные марксистско-ленинские работы о Коммуне, их авторам приходилось писать о ее мероприятиях, умалчивая об их прудонистском характере, подчеркивая переходный характер декрета 16 апреля, подменяя понятие самоуправления «рабочим контролем»[616] (получалось, что работники не получили предприятия в свое управление, не имели права выбирать руководителей, а могли только контролировать назначенную собственником администрации, как в первые месяцы советской власти).

Однако главным аргументом в пользу непрудонистского характера политики Коммуны был тот факт, что прудонисты не имели в ней большинства. Мол, прудонисты только влияли на Коммуну, но политический курс определяло большинство, прежде всего бланкисты, которые при расколе Интернационала в 1872 г. поддержат Маркса и, следовательно, могут считаться почти марксистами. Мы еще увидим, как и надолго ли бланкисты шли с Марксом в 1872 г. А сейчас важнее разобраться, в чем заключалось отличие их политического курса в Коммуне от прудонистского. И была ли в Париже социалистическая группа, которая отстаивала не прудонистские, а марксистские или похожие на них принципы централистичного коммунизма?

Возможно, если бы бланкистов возглавлял Бланки, он настаивал бы на каком-то другом курсе преобразований. Впрочем, как мы видели, Бланки, склонявшийся к авторитарной политике, призывал, скорее к осторожности в социальных преобразованиях, не имея определенного мнения об их направлении. Так что и в этом случае прудонисты оказались бы ведущими специалистами Коммуны по вопросу социально-экономической политики.

Арест Бланки за день до революции 18 марта превратил бланкистов в центристскую фракцию Коммуны, фактически лишенную собственной программы. В отсутствие Бланки бланкисты попали под идейное влияние прудонистов и отличались от них только авторитарной политической тактикой, но не стратегией. В отношении социальных преобразований бланкисты доверились прудонистам, не выдвигая альтернативной программы. Бланкисты в области экономической могут рассматриваться как умеренные прудонисты (при всем их радикализме в политической тактике). В отношении политического режима они колебались между прудонизмом и якобинством, настаивая на концентрации власти ради более решительной борьбы с Версалем.

Позиция французского Федерального совета Интернационала, в который входили и прудонисты, и бланкисты, соответствовала идеологии прудонизма. Заявление федерального совета Интернационала и федеральной палаты рабочих обществ строилось на прудонистских идеях: «Рабочие! Чего мы требовали? Организовать кредит, обмен, ассоциации, обеспечить рабочих заработной платой, эквивалентной труду...»[617], а также свобод, бесплатного светского образования, муниципального здравоохранения и статистики.

Требование статистики нередко встречается в программах социалистических движений и организаций. За этим скромным положением кроется две важные идеи: в новом обществе экономическая и социальная информация должна быть открыта, не прикрываться коммерческой тайной. Это, в свою очередь даст возможность учитывать потребности в ресурсах, товарах, рабочих местах и согласовывать их с предложением путем индикативного (рекомендательного) планирования.

Более того, бланкисты поддерживали не только социальную, но и политическую программу прудонизма, считая возможным отступить от нее только временно, под влиянием критических обстоятельств. Поэтому, сравнивая две «пролетарские» революции 1871 и 1917 гг., типологически бланкистов можно уподобить не большевикам, а левым эсерам.

Бланкисты постоянно подчеркивают свою приверженность федерализму, а не централизму. Бланкистская газета «Пер Дюшен» призывала: «Будем пить за федерацию производства и обмена, обновленных и освобожденных». Разъясняя эту идею, газета предлагала чисто прудонистский план: «всякая группа граждан сама управляет своими внутренними и местными делами; различные группы во всяком департаменте договариваются для совместного руководства делами департамента. Группы всех департаментов объединяются и посылают своих делегатов в Национальное собрание»[618].

Принципиальными оппонентами прудонистов могли стать только неякобинцы, так как некоторые из них скептически относились к социализму, и якобинская диктатура 1793-1794 гг., в которой они черпали вдохновение, предполагала политический централизм, диктатуру Парижа, а не федерализм.

Прудонист Ш. Белэ высказал опасения, что традиция 1793 года может подмять под себя социализм, несовместимый с авторитаризмом: «Республика 93-го года была солдатом, который в борьбе внутренней и внешней нуждался в сосредоточении в своих руках всех сил страны; республика 1871 г. – это труженик, который больше всего нуждается в свободе, чтобы обеспечить мир»[619]. Вечная проблема антиавторитарного социализма – он стремится созидать новые демократические отношения, сложную систему самоуправления, а приходится защищаться, отдавая все больше власти солдатам.

Но этот вопрос разделял фракции тактически, а не стратегически. Прудонисты также признавали необходимость некоторых ограничений демократии в условиях гражданской войны. Так, Малон поддерживал отказ от выборов в округах и передачу управления ими депутатам Коммуны «сообразно с исключительными обстоятельствами»[620]. После победы, конечно, выборы на всех уровнях должны были стать обычным явлением.

В политической области тенденция к концентрации власти возобладает в Коммуне в мае 1871 г. Но она пока никак не скажется на направлении социальных преобразований, только замедляя их из-за фракционных конфликтов. Концентрация власти в Коммуне не привела к социально-экономической централизации (скажем, национализации, отмене самоуправления и т. п.) и корректировке федералистской программы, которую Коммуна предлагала Франции. Собственно, выработка программной декларации Коммуны показывает, что в отношении стратегии революции не только бланкисты, но и якобинцы шли за прудонистами.

Вскоре после 18 марта в воззваниях ЦК национальной гвардии упоминается «единая и неделимая» республика[621]. Но вскоре возобладал прудонизм, и эта якобинская формула если и встречалась, то, как мы увидим, с недвусмысленными разъяснениями в духе прудонистского федерализма.

1 апреля в «Журналь офисиель» вышла статья о целях Коммуны, в которой говорилось: «было бы странной иллюзией и прямо ребячеством думать, что единственной целью революции 18 марта было обеспечить Парижу выборное коммунальное представительство, подчиненное деспотичной опеке строго централизованной национальной власти. Законы во Франции никогда не удовлетворяли потребностей ни Парижа, ни провинциальных городов, ни деревень в независимости, в свободном управлении... С первого дня было ясно, что люди 18 марта боролись и победили для того, чтобы завоевать и обеспечить в будущем эту независимость как для всех коммун Франции, так и для более крупных единиц – кантонов, департаментов и провинций, объединенных между собой в истинно национальный союз...»[622] Это – прудоновский план политической реорганизации Франции, выраженный официальным органом Коммуны. Париж выступает инициатором такого преобразования, отказываясь от концентрации власти в своих руках. При этом, конечно, «автономный Париж должен остаться центром экономического и промышленного развития»[623]. Влияние городов должно закрепляться не властью, а их вкладом в экономику, единство поддерживаться не армией и полицией, а равноправными экономическими и культурными связями.

6 апреля 1871 г. вышло обращение Парижской Коммуны к населению департаментов, подписанное Ш. Делеклюзом, Ф. Курне, Ф. Пиа, Э. Тридоном, Э. Вайяном и О. Верморелем. Только последний из них был близок к прудонизму, остальные были бланкистами и якобинцами. И что же? Перед нами документ политического централизма, если не марксистский, то по крайней мере не прудонистский? Отнюдь – чисто прудонистский подход, федерализм на грани анархии: «Париж стремится лишь основать Республику и завоевать себе коммунальные вольности, счастливый тем, что может показать пример другим коммунам Франции... Париж стремится лишь к тому, чтобы замкнуться в своей автономии, полный уважения к равным правам других коммун Франции... Да здравствует Республика, единая и нераздельная, демократическая и социальная!»[624] Как видим, «замыкание в автономии» в понимании коммунаров не противоречит единству и нераздельности Франции. Они выступают за свободный союз автономных городов и регионов.

Тем временем шла работа по выработке программной декларации Коммуны, по существу – основополагающего политического документа.

Декларация должна была стать результатом коллективного творчества представителей разных фракций. 9 апреля в комиссию по ее выработке были включены Ш. Делеклюз, Ж. Валлес, А. Тейс, Ф. Курне, Б. Малон, А. Бийоре – представители всех основных течений. Более того, Декларацию обсуждала Коммуна, где прудонисты были в меньшинстве. И что же, якобинцы ослабили социалистический пафос декларации или бланкисты предложили какое-то видение социализма и политического устройства, отличное от прудонистского? Нет. Декларация выдержана в прудонистских тонах. И это не удивительно – в отношении конструктивной программы бланкисты, не имея собственной, строго следовали за прудонистами, а неоякобинцы, как мы видели по предыдущим документам, тоже шли за социалистами, то есть прудонистами. Единственная содержательная поправка – из проекта программной комиссии убрали слова «цезаристский коммунизм», чтобы не создалось впечатление, будто социалисты сотрудничали с «цезарем» – императором Наполеоном III.

Декларация Коммуны к французскому народу 19 апреля гласила, что Париж добивается:

«Признания и упрочения Республики, единственной формы правления, совместимой с правами народа, с правильным и свободным развитием общества.

Полной автономии коммун на всем протяжении Франции, обеспечивающей каждой из них всю совокупность ее прав, а каждому французцу – развитие всех его способностей и склонностей как человека, гражданина и труженика;

Автономия коммуны должна быть ограничена лишь равной автономией всех прочих коммун, примкнувших к ней путем договора; объединение их должно обеспечить единство Франции.

Неотъемлемыми правами Коммуны являются:

утверждение коммунального бюджета, доходов и расходов, установление и распределение налогов, управление местными службами, организация судопроизводства, внутренней полиции и просвещения, управление принадлежащим коммуне имуществом;

Назначение путем избрания по конкурсу ответственных, подлежащих постоянному контролю сменяемых должностных лиц и коммунальных чиновников всех категорий;

Полная гарантия личной свободы, свободы совести, свободы труда;

Постоянное участие граждан в делах Коммуны путем свободного выражения своих взглядов и свободной защиты своих интересов: гарантировать эти права должна Коммуна, так как на ней одной лежит обязанность наблюдать за правильным и свободным пользованием правом собраний и свободной печати, и обеспечивать их;

Организация городской обороны и национальной гвардии, которая избирает своих начальников и одна охраняет порядок в городе.

Париж не требует себе больше никаких местных гарантий, разумеется при условии, что в центральной администрации страны – собрании делегатов всех объединенных коммун – он найдет осуществление на практике тех же принципов»[625]. Как видим, прудоновский федерализм и здесь выдержан во всей полноте.

Париж не намерен навязывать Франции единый проект социальных реформ, ограничиваясь лишь общесоциалистическим лозунгом: «сделать власть и собственность всеобщим достоянием». Париж требует права провести у себя реформы, показать пример. Возможно, в других регионах преобразования пойдут другими путями. Централизованной модели социализма не предполагается. Вопреки традиции якобинизма и более ранним планам Бланки, декларация опровергает как клевету утверждение, что Париж претендует на диктатуру во Франции. Эта декларация – торжество идеологии федерализма в Парижской коммуне.

Последний шанс для марксистов «отмежевать» Коммуну от прудонизма – это задним числом «вбить клин» между правыми и левыми прудонистами, объявив правых – собственно прудонистами, а левых – истинными революционерами, преодолевающими прудонизм на пути к марксизму. Ведь один из лидеров левых прудонистов Э. Варлен встречался с Марксом. Не мог же он после этого остаться на позициях прудонистской ортодоксии. Не мог, но остался. Не стал Варлен сторонником марксистского централизма. Он писал 28 марта 1871 г.: «мы стоим на страже муниципальных вольностей повсюду как в маленьких, так и в больших городах...»[626].

Сравнивая Варлена с его коллегами Журдом и Белэ, советский историк Н. Молчанов задается вопросом: «Как же могло случиться, что несомненный революционер Эжен Варлен проводил, по существу, ту же самую финансовую политику, что и люди совсем неревolutionного направления?»[627] Вот уж проблема так проблема: почему прудонист Э. Варлен проводит ту же политику, что и прудонисты Белэ и Журд. Такой вопрос мог прийти в голову только марксисту, для которого принципиально важно отмежевать «хороших» прудонистов от «плохих», представив первых чуть ли не марксистами, а вторых – чуть ли не

контрреволюционерами. Но прудонисты от этих умственных упражнений не переставали быть прудонистами (хотя, конечно, как в любом течении, в прудонизме можно выделять правое и левое крылья), а социально-экономическая политика Коммуны – прудонистской. И Белэ, и Журд, и Варлен одобряли революцию 18 марта и в этом отношении были революционерами, также как Прудон одобрительно относился к свержению монархии в 1848 г. и употреблял слово «революция» в положительном контексте. Но как Прудон, так и его последователи понимали, что революция, разрушающая прежние порядки, сама по себе еще не создает более сложные новые отношения. Их нужно создавать осторожно и постепенно, по принципу «не навреди».

С этим важным принципом тесно связана проблема отношения Коммуны к Национальному банку Франции. Банк продолжал нормально функционировать на протяжении всех 72 дней существования Коммуны. Марксисты считают это непростительной ошибкой. Банк нужно было национализировать, конфисковать его ценности и направить их на дело революции. Тут бы буржуазия и дрогнула.

Подобные мнения были распространены и среди коммунаров, прежде всего – среди командиров военных формирований, далеких от экономических познаний.

Делегат ЦК Национальной гвардии Троель писал депутату Риго, что необходимо «покончить с буржуазией одним ударом», захватив банк. 12 мая под предлогом наличия оружия в банке тыловые вооруженные группы («мстители Флуранса» и «гарибальдийцы») попытались его захватить. Впоследствии использование банка в качестве оплота вооруженной «пятой колонны» не подтвердилось, банк не сыграл никакой роли во время боев «кровавой недели».

Узнав о попытке захвата банка в здание прибыл делегат Коммуны по финансам прудонист Ш. Белэ, который категорически выступил против захвата банка и добился снятия его блокады. Марксистская историография в один голос оценивает это как ошибку. Тут бы и должна была выявиться вся пропасть между революционными левыми прудонистами и «правым» прудонистом Белэ. Но нет, Коммуна поддержала политику Белэ голосами не только прудонистов, но и бланкистов, не говоря уже о якобинцах. С чем же связано такое единодушие депутатов Коммуны в отстаивании «ошибки»?

Белэ так объяснял недопустимость захвата банка коммунарами: «Что выиграет от всего этого Коммуна? Получит на 50 млн. обесцененных бумажек, на которые нельзя будет купить и фунта хлеба»[628]. Ценности банка находились вне Парижа. Поэтому коммунары могли бы захватить только денежные купюры, которые в условиях конфискации банка стали бы стремительно обесцениваться. Этот сценарий Белэ в целом подтвердила история Российской революции, когда большевики окончательно обесценили рубль, взяв в свое управление банки. Так что, когда Ленин писал, что русские рабочие «не оставили бы банка в руках буржуазии»[629], он сознательно брал курс на разрушение рыночных отношений, которые были заменены распределительной системой «военного коммунизма». Большевики надеялись, что органы советской власти смогут организовать обмен продуктами лучше, чем рынок. Эти надежды не оправдались, авантюра привела к голоду. Такая «мелочь», как банк,; была одним из водоразделов прудонистской и марксистской и стратегий революции,

первая из которых предполагала сохранение товарно-денежных отношений в ближайшей перспективе, а вторая – их разрушение, причем в условиях, когда альтернативы рыночным отношениям еще нет.

Захват банка означал разрушение финансовой системы Франции. Поэтому Коммуна согласилась с аргументами Белэ.

Всего банк выдал коммуне 15 миллионов франков, а Версалю – более 257 млн. Так руководители банка понимали свой нейтралитет в начавшейся гражданской войне. Париж имел право тратить деньги со счета столицы, а остальная Франция – из общегосударственного счета. Банк не прекращал финансировать Коммуну до конца ее существования. 19 мая банк выдал коммуне 900 тыс. франков. Во время кровавой недели – еще 1200 тыс. Эти средства позволяли обеим сторонам вооружаться, но также позволили Парижу избежать голода, спокойно закупая продовольствие. «То обстоятельство, что Коммуне удалось в общем наладить снабжение Парижа продовольственными продуктами по дешевым ценам, было одним из крупных достижений ее социально-экономической политики»[630] – признают советские историки. Они только не проследили связь этого достижения с «ошибкой» отказа от национализации банка.

Ситуация с банком, как и остальные аспекты социально-экономической деятельности Коммуны, а также ее программные документы показывают: большинство депутатов Коммуны независимо от фракционной принадлежности выступали за прудоновскую модель социализма и федерализма, расходясь только в тактических вопросах организации власти в период гражданской войны.

С точки зрения программы и направления социальных преобразований Коммуна представляла собой чисто прудонистский эксперимент.

Тактические разногласия, постепенно нарастая, привели в мае к расколу депутатов Коммуны на «большинство» и «меньшинство». Эта борьба снижала эффективность работы Коммуны, ослабляла ее обороноспособность. Парадоксальным образом «усиление власти» вело к ослаблению ее эффективности.

Коммуна так и не обрела лидера с безусловным авторитетом, который сплотил бы депутатов как вождь Коммуны. Считается, что трагическую роль в этом сыграл арест О. Бланки за день до революции 18 марта. Однако Бланки был авторитарным лидером, и если бы он стал проводить именно такой курс, который известен под названием «бланкизма», то наверняка встретил бы сопротивление со стороны прудонистов. Раскол на «большинство» и «меньшинство» произошел бы раньше и вероятно резче.

Депутаты Коммуны, многие из которых имели за плечами опыт революционного движения и многолетнего обсуждения социально-экономических вопросов, оказались плохо подготовленными именно к захвату власти и выстраиванию ее организации. И Маркс, и

Бакунин оценили Коммуну как слом старой государственной системы. Это верно в том смысле, что к власти пришли совершенно новые люди без груза государственно-бюрократической традиции, и они создали новые структуры управления.

Депутаты тратили очень много времени на обсуждение оптимальной организации власти. Этот вопрос был нов как для прудонистов, так и для бланкистов. Но в то же время именно слом государственного механизма не произошел и вряд ли мог произойти. Дело в том, что существующая структура общества предполагает существование общественных нужд и дел, которые должны осуществляться либо государством, либо органами самоуправления. Коммуна стремилась к тому, чтобы органы самоуправления в будущем взяли на себя как можно больше функций. Но в конкретной обстановке Парижа 1871 г. устойчивая система самоуправления, готовая взять на себя эту нагрузку еще не была сформирована. Более того, в условиях начавшейся гражданской войны Коммуна даже не рискнула провести выборы в муниципалитеты.

В обстановке революции пышным цветом расцвела сеть низовых организаций: клубы, комитеты бдительности, профсоюзы и др. Профсоюзы получили свое поле деятельности на ниве производственного самоуправления, что касается клубов с их случайным составом, то они представляли только своих членов, то есть могли претендовать на роль районных «партий», обеспечивать поддержку решений Коммуны, доносить до депутатов предложения «снизу» (многие из них были одобрены Коммуной). Но доверять таким собраниям организацию текущей рутины городской жизни – значило обречь ее на разруху.

В результате произошел не слом бюрократической машины, а заполнение ее новыми людьми и попытка запустить новое руководящее звено – совокупность работающих комиссий, а не парламент или правительство министров и премьера. В итоге произошла бюрократическая перегрузка депутатов. Это часто случается с лидерами революций, стремящимися непосредственно руководить самыми разными сторонами преобразований. Теперь жизнь не может течь сама собой как раньше, а массы еще не приучены к самостоятельной ежедневной работе в новых структурах. Отсюда переутомление, о котором поведал депутат Коммуны А. Арну: «Прежде всего мы были обременены работой, изнемогали от усталости, не имея ни минуты покоя... В качестве членов Коммуны мы обыкновенно заседали два раза в день. В два часа и вечером до глубокой ночи. Эти два заседания прерывались лишь настолько, чтобы слегка закусить.

Кроме того, всякий из нас принимал участие в одной из комиссий, исполняющих работу разных министерств... С другой стороны мы были мэрами... Многие из нас были командирами Национальной гвардии, и между нами не было, может быть, ни одного, кто не должен был в любую минуту бежать на аванпосты...»[631]

Не удивительно, что многие решения, на выработку которых было потрачено время, так и не стали воплощаться в жизнь. Не случайна реплика одного из наиболее «деловых» депутатов Э. Варлена: «Я считаю, что каждый раз, когда вы издаете декреты, было бы хорошо, чтобы вы поручали кому-либо проводить их в жизнь»[632].

Вопрос об эффективности власти был связан с жизненной темой обороны. Коммунары воевали неудачно. Организация войск в национальную гвардию, которая по мысли коммунаров должна была покончить с милитаризмом, корнем ненавистного имперского авторитаризма. Недавняя история двух империй породила глубокое недоверие к военному командованию и военной дисциплине. В то же время элемент военной демократии национальной гвардии породил энтузиазм, воскрешавший героические воспоминания Великой французской революции. Первое время это вселяло надежды на скорейшую победу. Эти надежды не оправдались, что, казалось бы, доказывает бесперспективность внесения элементов самоуправления в армию. Однако история знает и обратные примеры – «военная демократия» способствовала успехам махновского движения на Украине и прочности фронта Испанской республики во время гражданской войны 1936-1939 гг.[633] Дело не только в том, имеют ли бойцы право на инициативу и самоорганизацию своего быта. Важно, насколько они доверяют своим командирам и насколько эти командиры талантливы. Армии со строгой дисциплиной нередко проигрывали повстанческим вождям, если помимо прочих обстоятельств эти вожди были более талантливыми полководцами. История обделила Коммуну талантливыми и самоотверженными военачальниками. К тому же шанс на победу у коммунаров существовал до того, как Версаль установил прочный контроль над ресурсами Франции, обеспечившими ему безусловный перевес сил. Победить можно было только в конце марта – начале апреля. Но в решающем сражении 3-4 апреля у коммунаров не было единого военного командования, что предопределило нескоординированность и крайнюю непродуманность их действий.

Накануне сражения разгорелся конфликт между Коммуной и ЦК национальной гвардии, который самостоятельно назначил военного делегата (командующего) Ключере. 31 марта Ключере выступил в Коммуне, представив отчет ЦК артиллерии. Отчет был одобрен исполнительной комиссией. Но Ключере не было доверено командование. Он был назначен военным делегатом только после поражения 3 апреля, когда шансы на победу в маневренной войне уже были упущены.

Поскольку в дальнейшем Ключере не преуспел, его принято считать негодным командиром (хотя за его спиной был опыт нескольких войн)[634]. Однако 3-4 апреля наличие опытного в военном отношении командующего могло бы избавить коммунаров от несогласованности атак и выбора крайне неудачных направлений наступления (достаточно вспомнить, что Флуранс вообще заблудился и ушел в сторону от сражения, а колонны Эда штурмовали холмы Медона, которые можно было обойти и тем спасти колонну Дюваля от разгрома, а может быть и достичь с нею Версаля). В дальнейшем Ключере делал все, что мог при ухудшающемся соотношении сил, и, уже как грамотный в военном отношении человек не решился на внезапный удар по версальцам по принципу «пан или пропал». Он не был авантюристом, и потому мог победить 3-4 апреля и не мог победить позднее. В условиях гнетущего ухудшения обстановки, вызванного неуклонным изменением соотношения сил в пользу Версаля, Ключере раздражал всех, и его по обыкновению стали подозревать в стремлении к военной диктатуре.

Ф. Пиа утверждал: «Генералы против своей воли тянутся к диктатуре, как черепахи тянутся к морю»[635]. «Даже победоносный генерал, имея под своим начальством одну лишь национальную гвардию, не может произвести государственного переворота»[636] –

возражала газета «Ля Коммюнь». Проблема военного руководства, немаловажная и для либеральных течений, для социалистов приобретает просто таки трагическое значение. Отступление от демократии для антиавторитарных социалистов означает не просто временное «замораживание» их программы (как нередко бывает у либералов), а движение в сторону якобинско-марксистского централизма.

19 апреля депутат Гамбон призвал приостановить заседания коммуны и направиться на фронт, на что Растуль ответил: «Если вы хотите предоставить генералу Кюзере диктатуру, скажите это прямо»[637]. Сам Кюзере 20 апреля предложил в сложившейся критической обстановке распустить комиссии и заменить их делегатами, которые будут отчитываться перед Коммуной, создать своего рода министерства. Генерал негодовал: «Все отдают распоряжения справа и слева, и мне очень трудно добиваться исполнения моих приказов»[638]. ЦК национальной гвардии, еще недавно поддерживавший генерала, теперь активно выступал против него. 30 апреля депутаты не нашли ничего лучше, как арестовать Кюзере. Почти весь май его держали под арестом, и лишь перед самым падением Парижа решили выслушать, после чего торжественно оправдали. Если что-то случается как трагедия, а повторяется как фарс, то это можно отнести к репрессивной политике Коммуны, которая отчасти была навеяна якобинской традицией, но не сопоставима с ней по масштабам. Коммунары арестовали 3632 человек, две трети отпустили, и 96 все же расстреляли уже в ходе «кровавой недели». Но кто знает, какое развитие приобрела бы эта тенденция в случае, если бы Коммуна устояла, и гражданская война охватила всю Францию. Большевистский террор тоже начинался с единичных расстрелов.

Если в социально-экономической политике и в представлениях о будущем Франции Коммуна следовала заветам Прудона, то в области политической тактики, особенно перед лицом надвигающегося поражения, она стала подражать Робеспьеру. 1 мая был создан Комитет общественного спасения (КОС), образование которого раскололо Коммуну на два лагеря. За создание полномочного комитета проголосовало 45 депутатов, а против 23. Якобинское название комитета поддержало только 34. Прудонисты считали создание КОС «узурпацией народного суверенитета», возвратом к прошлому и отходом от социализма. Собственно, в создании правительства, выполняющего решения Коммуны, еще не было ничего особенно авторитарного. Но якобинское название комитета намечало мрачную тенденцию его развития. Радикализм якобинцев мог подмять под себя те успехи социальной демократии, которые уже достигла Коммуна. Тень якобинского террора к тому же явно грозила отпугнуть провинцию, на поддержку которой парижане надеялись до конца (периодические выступления революционеров других городов Франции в поддержку Коммуны делали эти надежды небезосновательными).

Поэтому позиция «меньшинства» была непримирима. По словам депутата Ланжевена КОС имеет «диктаторский характер, несовместимый с демократическими по своей сути идеалами коммуны»[639]. Малон подчеркнул принципиальность расхождения: «воспоминания о 93 годе никогда не должны были бы примешиваться к социальной и пролетарской революции, начало которой было положено 18 марта»[640]. До сих пор Коммуна отвергала якобинские принципы централизованной диктатуры. Формально она не изменила своей программы. Но те или иные структуры власти, которые приобретают собственную инерцию. Низовая инициатива масс создает структуры самоуправления, а

радикальное меньшинство, защищающее позиции революции авторитарными средствами – структуры диктатуры, от которых потом нельзя избавиться простым декретом, и которые могут уничтожить и самих радикалов, и достижения революции, оставив только диктатуру. Ведь «орудия» революционеров – это тоже люди, организованные и вооруженные, имеющие свои интересы и получающие все большую власть. Эта тема была хорошо разработана в идеологии антиавторитарного социализма и зримо подтверждалась якобинским опытом 1793-1794 гг. Отсюда – накал борьбы по поводу вопросов тактики, в которой прудонисты и их сторонники увидели реакцию, отход от принципов революции 1871 г. к принципам революции 1793 г., которые должны повлечь неминуемое перерождение.

КОС получил широкие полномочия, что вселяло в бланкистов и якобинцев надежды на энергичное руководство. Но в состав КОСа вошли компромиссные, не самые яркие фигуры, за исключением якобинца Ф. Пиа. У него появился шанс стать истинным вождем Коммуны и повести ее к победе. В обстановке начала мая это означало бы одно – успешное руководство военными действиями. А этот вопрос находился в компетенции нового военного делегата Л. Росселя. Пиа принялся руководить войсками, что само по себе и соответствовало духу решения о КОС. Но действия Пиа были неудачными, он стал неуклюже отмежевываться от собственных решений, и был 5 мая уличен во лжи. В итоге в качестве лидера КОС Пиа продержался 5 дней и подал в отставку. После этого он опубликовал статью, в которой говорилось: «Париж хочет мира с Версалем, чтобы покончить с Пруссией»[641].

Предложение компромисса с Версалем надолго похоронило репутацию Пиа. Победителем оказался военный делегат Л. Россель, которого почему-то считали лучшим полководцем, чем Кюзере, хотя Россель был при прежнем военном делегате начальником штаба. Как и в случае с Кюзере, обострились отношения ЦК и военного делегата. 8 мая чуть не дошло до военного столкновения между членами ЦК и Росселем. Наконец, договорились попробовать позиции версальцев на прочность. ЦК обязался собрать на смотр более 12 тыс. бойцов, и Россель – повести их в атаку.

Тем временем отставка Пиа похоронила первый КОС, что только обострило фракционные споры о компетенции этого органа. Не добившись согласия, «большинство» стало игнорировать «меньшинство». 7 мая депутаты «меньшинства» пришли на заседание и обнаружили пустой зал. «Большинство» собралось в это время на фракционное заседание, где обсуждало, как создать дееспособный КОС. Прудонисты были возмущены. Раскол углублялся.

9 мая решилась судьба Росселя. На смотре собралось по данным ЦК 10 тыс., по оценке Росселя – 5-7 тыс. бойцов. Он решил, что с такими силами атаковать версальцев не имеет смысла и уехал со смотра. Россель обрушился на Коммуну и ситуацию, в которой «все рассуждают, но никто не хочет повиниться»[642]. ЦК, выступавший за укрепление военной власти, внезапно встал на сторону нелюбимого прежде Росселя и предложил сделать его диктатором. В этой обстановке Коммуна решила арестовать и Росселя. Он не стал дожидаться суда и бежал 10 мая.

В обстановке острого кризиса обороны, слухов о военном перевороте и крахе первого КОСа 9 мая депутаты наконец собрались вместе. «Меньшинство» потребовало упразднить КОС. Это могло бы разрядить ситуацию, тем более, что прудонисты не возражали против

некоторой концентрации власти и усиления ответственности за выполнение решений Коммуны. Но большинство настояло на выборах нового КОС. Страсти накалились настолько, что «большевики» обсуждали арест «меньшинства». Тем не менее, прудонисты согласилось участвовать в выборах. Во второй КОС вошли бланкисты и якобинцы А. Арно, Ш. Гамбон, Ш. Делеклюз, Э. Эд, Г. Ранвье. Делеклюз стал военным делегатом.

12 мая началось вытеснение КОСом прудонистов и др. «меньшевиков» с постов в политических комиссиях. При этом «большевики» снова перестали являться на заседание коммуны. Власть «уходила» из Коммуны, «меньшинство» было оттеснено от реальной политической власти. Тогда 15 мая оно опубликовало декларацию, в которой заявляло, что поскольку Коммуна потеряла власть, члены «меньшинства» отказываются участвовать в ее заседаниях и будут присутствовать на них только при обсуждении судебных дел членов Коммуны. Остальное время депутаты намеревались посвятить работе в мэриях. По мнению «меньшинства» Коммуна «отреклась от своей власти, передав ее диктатуре, которую она назвала Комитетом общественного спасения»[643]. Декларация подчеркивала, что расхождение по поводу КОС не касается задач революции: «Мы, как и большинство, желаем политического и социального обновления... несмотря на наши политические разногласия, все мы – большинство и меньшинство – преследуем одну и ту же цель – политическую свободу, освобождение трудящихся»[644]. Декларацию подписали 19 прудонистов, 1 бланкист и оба близких к Марксу депутата. Здесь, как и в других вопросах, они шли за прудонистами.

Бланкистская газета «Пер Дюшен» убеждала «меньшевиков» вернуться, ссылаясь на самого Прудона, который не вышел даже из враждебного ему Учредительного собрания. «Подумайте над этим, граждане, члены меньшинства! Вы по меньшей мере столь же способны, как и остальная часть Коммуны. Поэтому вы должны бороться до конца»[645].

Декларация «меньшинства» вызвала возмущение «большинства» и заставила его «вернуться в Коммуну». На заседании 17 мая разгорелись жаркие споры. Звучали угрозы арестов членов «меньшинства», но новый лидер КОС Делеклюз выступил против этого. Якобинцы обвиняли прудонистов в том, что они стали новыми жирондистами, но прудонисты знали историю Великой французской революции не хуже и опровергали эти ярлыки: жирондисты защищали интересы буржуазии, а «меньшинство» состоит из социалистов. В обеих фракциях было множество сторонников восстановления единства. Умеренные «большевики» предлагали «взять назад» декларацию «меньшинства», «меньшевики» были готовы пойти на уступки, если прекратится снятие их сторонников с постов, и КОС будет ограничен в правах. В итоге голосами большинства Коммуна приняла постановление, по которому КОС «постоянно к услугам и в распоряжении Коммуны, верховная власть которой никогда не оспаривалась и не могла оспариваться»[646]. Таким образом на момент гибели Коммуны демократические нормы в ней были подтверждены. 21 мая депутаты собрались все вместе, чтобы заслушать дело Кюзере. Он был оправдан, но к командованию не возвращен.

19 мая КОС передал управление военным ведомством ЦК национальной гвардии. Сообщение об этом заканчивалось словами «Да здравствует Федерация коммун!». Вполне федералистский лозунг – большинство продолжало во всем отстаивать прудонистскую

программу, хотя и авторитарными методами.

Фракционные разногласия утратили актуальность 21 мая, когда версальцы начали штурм Парижа.

Когда 25 мая, когда версальцы уже захватили пол-Парижа, лидер «большинства» и военный делегат старик Шарль Делеклюз, торжественно надев перевязь депутата Коммуны, перешел баррикаду и двинулся под пули версальцев на верную смерть. Командование безнадежной обороной Коммуны возглавил один из лидеров «меньшинства» Э. Варлен.

Политическая история Коммуны в мае – это агония в условиях безысходности военной ситуации. Она не имеет прямого отношения к истории социалистических идей, так как их осуществление не обсуждалось в конфликте «большинства» и «меньшинства». Тем не менее, эта история показывает, что Коммуна была моделью не только социально-экономических преобразований демократических социалистов, но и политической борьбы в условиях кризиса революции, когда социалистическое правительство оказывается зажатым в «кольце фронтов». Каковы бы ни были нюансы идеологии лидеров Российской революции в 1917-1918 гг. или Испанской революции в 1936-1937 гг., в условиях гражданской войны им приходилось обсуждать те же тактические проблемы, что и депутатам Коммуны. И всегда призрак якобинизма и бонапартизма нависал над достижениями социальной революции, грозя раздавить их авторитарно-бюрократическим перерождением.

Несмотря на неизбежные в условиях гражданской войны ограничения демократии и тенденции к авторитаризму, Парижской коммуной была практически реализована модель демократического, освободительного социализма, которую можно кратко описать формулой: производственное и территориальное самоуправление в условиях широкой демократии и федерализма. Через 72 дня после начала парижской эпопеи расстрел последних защитников Коммуны поставил точку в прудонистском эксперименте.

Но история Коммуны на этом не закончилась. Она стала доказательством серьезности намерений социалистов, их способности проводить успешные преобразования – ведь Коммуна погибла не в результате социального кризиса, а под ударами превосходящих сил вооруженного противника.

Борьба в Интернационале разделила оставшихся в живых депутатов Коммуны-социалистов. О. Авриаль и другие левые прудонисты создали «французскую секцию 1871 г.», выступившую против Генсовета с позиций, близких бакунинским. Но левый прудонист А. Тейс перешел к марксизму, окончательно стал марксистом и Л. Франкель. Ключере был стойким противником марксистов в Первом и Втором Интернационалах. Прудонисты продолжили участие в рабочем и социалистическом движении, в конце концов интегрировавшись в лоно социал-демократии, где сотрудничали с умеренными последователями Маркса и бланкистами.

Бланкисты активно боролись против бакунистов на Гаагском конгрессе, так как анархисты в пылу полемики с государственным Марксом стали выступать против политической борьбы (под которой понимали прежде всего борьбу парламентскую). В действительности и Бакунин, и его соратники занимались политической деятельностью, но критикуя парламентские иллюзии немецких социалистов, они обратились к другой крайности, считая, что работать можно только в организациях трудящихся. Этот однобокий синдикализм оттолкнул от Бакунина и некоторых сторонников его конструктивной программы, которая, впрочем, была мало известна, поскольку спор велся на другие темы.

Социалисты разных направлений стали претендовать на наследство Коммуны. Но все признавали – Коммуна стала примером сотрудничества социалистов разных направлений. Возможность и продуктивность такого сотрудничества – один из важнейших уроков Коммуны. Опыт XX века – от Российской революции до Народного фронта в Испании – показал, что неизбежная в таком союзе фракционная борьба может вырождаться в настоящую войну на уничтожение, если один из союзников изначально стремится к монополии на власть.

Признаки усиления борьбы за монополию на власть в социалистическом движении проявились как раз в год Коммуны в Интернационале. Дальнейшее развитие событий подтвердило тенденцию, которая в Коммуне лишь наметилась – установление диктатуры в освободительном социалистическом движении ведет не к консолидации сил, а к расколу.

Версия #1

Зверобой создал 8 июля 2025 10:37:00

Зверобой обновил 8 июля 2025 10:40:53